

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

*Сборник Всероссийского семинара молодых ученых
им. П.В. Копнина*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

ИСТИНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

М.Н. БАЛАНДИН

Проблема истины является центральной проблемой философии, собственно говоря, ради нее одной философия только и существует. И вот в начале XXI века новое поколение молодых ученых при обращении к этой проблеме сталкивается с ситуацией, не характерной для их предшественников.

На протяжении очень длительного времени в философии господствовала в том или ином виде идея единства истины. Одной из форм ее проявления было аксиоматическое утверждение того, что все, что не совпадает с некоторыми критериями истинности, истиной не является. В качестве примера такого подхода можно привести берущую свое начало от немецкой классической философии и в XX веке хорошо разработанную многими поколениями советских ученых диалектическую концепцию истины. В этой теории допускалось некоторое изменение относительного знания по мере развития объективной истины к абсолютному пределу (например, в науке: от теории Ньютона к теории Эйнштейна и далее), однако существовал и абсолютный критерий истинности. Само понятие «истина» полностью исчерпывалось объемом категории «Знание» (или еще более широко: «Идеальное»). И атрибутом истинности знания была объективность. Несоответствие объекту и тем более непринадлежность к знанию были достаточными признаками неистинности. Здесь, например, абсолютно неистинными выступали религиозное верование или мифологическое представление. Впрочем, подобная оценка вообще характерна для рациональной философии. Известно определение Аристотелем науки и истины как «особым образом доказанного знания».

Молодые же ученые XXI века сталкиваются с тем, что и в высказываниях их учителей и старших товарищей, и в философской и научной литературе все чаще и настойчивей повторяется утверждение о множественности истин. О том, что не существует единого критерия истинности, что множество истин могут существовать по отдельности, одновременно («как цветы на лугу»), никак не мешая друг другу. Что и истина религии, и истина мифологии, как и истина искусства, являются истинными одновременно с триумфальным существованием истины научной.

И кажется, что для этого вывода существуют достаточно серьезные убедительные основания. Любой философ, знающий о судьбе Сократа, даже просто любой образованный человек, имеющий представление об истории общества, хорошо знают, что на самом длительном этапе развития человечества (фактически – вплоть до средневековья) именно миф и соответствующая ему истина были господствующей формой объяснения реальности. Тот простой факт, что бесчисленные поколения наших предков смогли выжить и создать предшествующий нам уровень цивилизации свидетельствует об истинности мифологического объяснения действительности. Об этом же свидетельствует и факт нашего с вами существования, а также существования современной науки, религии и искусства... Впрочем, опираясь на такой метод оценки, мы можем сформировать даже некоторую историческую последовательность этапов развития европейской цивилизации, для которых был характерен тот или иной тип объяснения реальности. Так в Средневековье,

несомненно, преобладает религия, в период Возрождения – искусство (это ведь тогда Бога именовали Великим Художником...), в современной же цивилизации Нового времени – наука (и в целом – Ratio как тип мировоззрения).

Впрочем, для современных молодых ученых такая историческая типология явно недостаточна, ведь и с мифом, и с религией, и с искусством мы сталкиваемся сейчас, непосредственно, в нашу эпоху господства научного мировоззрения. И некоторые из этих способов объяснения реальности крайне агрессивны, активно «окупируют» значительные по объему сферы социальной жизни. Совершенно очевидно, например, возрастающая мифологичность современных средств массовой информации (иногда даже вне зависимости от их идеологической ангажированности). Религия в общении с государством очень активно занимает те сферы, которые ранее безоговорочно принадлежали науке... Искусство во всем многоцветии своих жанров столь же активно утверждает идею о том, что «красотой мир спасется», используя при этом образы научные и мифологические, религиозные и атеистические, а также и абсолютно безнравственные...

И здесь для молодых ученых создается некоторая особенная методологическая ситуация. Можно, конечно, проводить философский анализ современных форм мифа, религии или Ratio, опираясь на авторитет научных школ и на богатейший арсенал многовековой философской рефлексии. Хорошим примером подобных исследований может послужить данный сборник статей молодых ученых и их научных руководителей, сформированный одной из известнейших в России философских школ. Однако этим ситуация не исчерпывается. Остается актуальным, без ответа, вызов одновременного социального существования и противоборства множества взаимоисключающих друг друга истин (или, более широко, нескольких способов объяснения мира в их реальной противоречивости и даже антагонистичности). Этот вызов требует соответствующего философского теоретического осмысления.

В философии достаточно хорошо разработан (и особенно хорошо в русской философии Серебряного века) вопрос о том, что такое сосуществование не может быть постоянным, а социальное единство, соборность, только и возможно на одной какой-либо, внутренне непротиворечивой основе. Можно с большой долей уверенности сказать, что все попытки философов Серебряного века найти какую-либо форму единения всех этих истин в одно целое оказались безуспешными. В работе Л. Шестова «Афины и Иерусалим» [1] (посвященной, как и все его творчество, проблеме соотношения рационального и религиозного) этот вопрос так и остался без высказанного ответа, на уровне молчания Христа на суде Пилата. Так же, как в Евангелии, где после вопроса «Что есть истина?» (т.е. какое знание является истинной?) повествование прерывается, Христос молчит – ведь он Сам стоит перед Пилатом... Совершенно очевидно, что наука (как и в целом Ratio) никогда не признает религиозную истину именно потому, что эта истина сама по себе знанием не является. Отношение же религии к научному знанию гораздо сложнее. Именно потому, что взгляд на мир у религии качественно иной, чем у науки. Признавая полностью тот многообразный и бесконечный мир, который видит и исследует наука, религия соответственно признает и научную объективную истину как вполне реальное и достойное этого мира знание. (Хорошо известна приверженность европейского католицизма к рациональным методам объяснения реальностей мира). Однако взгляд церкви на исследуемый наукой мир несколько шире, чем у самой науки. Религии известен дополнительный атрибут этого мира, совершенно неизвестный и недоступный науке. Этим атрибутом объективного, бесконечного и многообразного, изучаемого наукой мира является его номер, а именно № 2. Этот мир вторичен, он создан, «тварен». Для религии более реально существует другой мир, доступный вере и недоступный знанию (если ссылаться на ветхозаветную притчу,

то именно получение Адамом и Евой знания привело к тому, что они были изгнаны в этот второй мир, «юдоль страданий и плача», и по той же причине получения ими знания в этот мир пришла смерть...). Один из виднейших советских ученых – св. Лука (В.Ф. Войно-Ясинецкий) в своей работе «Наука и религия» [2], написанной в середине XX века, пришел к выводу о том, что наука и религия не противоречат друг-другу, так как их истины не совпадают и существуют параллельно. К подобным же выводам по поводу соотношения различных истин пришли и другие философы, представители Серебряного века. Так, А.Ф. Лосев в своей работе «Проблема символа и реалистическое искусство» [3], исследуя вопрос о соотношении художественного и рационального, фактически повторил известный вывод А.С. Пушкина о том, что истина драматического произведения заключается в истинности чувств в вымышленных обстоятельствах. То есть, подобно истине религии, истина искусства тоже не совпадает с объективной истиной знания в науке. По этому поводу Лосев отмечал, что происходящее на театральной сцене с точки зрения «формально научной» есть ложь и маловероятно, что на каждой постановке трагедии Шекспира «Отелло» погибает по одной актрисе, исполняющей роль Дездемоны... И при этом хорошо известны примеры того, как именно художественные образы послужили первоосновой для формирования серьезных научных гипотез.

Не менее сложна и даже причудлива взаимосвязь мифологии и научной истины. Несмотря на исторически доказанную истинность мифа, сейчас, в рамках современного господствующего научного мировоззрения мифу предоставлена роль сказки, рениксы (хотя подразумевается, что каждому молодому ученому доподлинно известно, что Деда Мороза и Снегурочки на самом деле не существует...). В истории самой науки, однако, известны случаи того, как в структуре успешной научной теории использовались заведомо мифологические представления (знаменитый пример «демона Максвелла», в частности). И все это может быть констатировано на общем фоне успешной интервенции мифа во все сферы жизни современного общественного сознания. При этом мифология встречает значительную поддержку со стороны искусства и столь же значительное сопротивление со стороны науки и религии. Хотя, впрочем, история показывает, что взаимоотношения религии и язычества далеко не просты и в прошлом их отношения складывались по-разному [4].

Если рассматривать все вышесказанное в контексте известной в философии проблемы всеобщего кризиса современной науки, то совершенно очевидной становится назревшая необходимость нового философско-методологического анализа проблемы множественности истин. И здесь, несомненно, большое поле деятельности открывается перед молодыми учеными.

Такая методология, конечно, может начаться с выработки оснований для типологии истин (например, в данном тексте рассматривались типы истин, связанные с уже существовавшими историческими периодами развития европейского общества). И, конечно, важнейшим аксиоматическим основанием такой методологии должно быть тавтологичное утверждение о том, что различные истины отличаются друг от друга. То есть, по крайней мере, это должно означать, что невозможно высказывание «истина искусства» в том смысле, что истина Ratio без изменений остается в искусстве и играет там системообразующую роль. Вероятно, для истины искусства может быть сформировано самостоятельное понятие, такое, например, как «художественная истина» или «художественная правда». В формируемой системе категорий возможны, вероятно, и такие понятия, как «достоверность религии», «объективная научная истина» и т.п.

Выше мы уже писали, что необходимость новой методологии вызвана реальным существованием и противоборством в современности сразу нескольких типов истин. И поэтому создаваемые теоретические положения должны отражать реаль-

ности социальной практики, например то, что отдельные истины (например, науки и мифа) реально сосуществуют и каждая из них служит основанием для полного, целостного объяснения мира. Именно основанием, так как вокруг каждой основополагающей истины (как вокруг парадигмы)* формируется целостная система знаний, представлений, убеждений и образов, которая объясняет бесконечный мир как конечный (т.е. является самодостаточной) и показывают место человека в этом мире. И при этом каждая такая система может включать в себя в маргинальном статусе и иные истины (подобно тому, как религиозное мировоззрение не исключает полностью научной истины). Возникающий вопрос о том, каким образом могут одновременно в одном и том же социальном пространстве существовать и взаимодействовать друг с другом несколько таких самодостаточных антагонистических систем, может быть поставлен как научная проблема. В одной из ранее опубликованных работ автора настоящей статьи представлена возможная гипотеза такого объяснения, в котором используются понятия «мировоззрение» и «система» [5]. И если опираться на этот категориальный аппарат, тогда вопрос о типологии истин может быть сопоставлен с уже достаточно известной и разработанной проблемой типологии мировоззрений. Что, конечно, позволит расширить сферу обсуждения поставленных проблем.

Перед нынешним поколением молодых ученых стоит обширная и очень актуальная задача. Что, впрочем, не представляет собой какого-либо исключения, подобные ситуации не редкость в истории науки. И поэтому автор статьи как представитель более старшего поколения ученых хотел бы пожелать молодым коллегам: «Бог вам в помощь!» в поиске истины, в решении задач, столь важных для современного общества и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шестов Л. Афины и Иерусалим // Шестов Л. Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С.317–664.
2. Войно-Ясинецкий В.Ф. Наука и религия. Б.м., Б.г.
3. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
4. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1988.
5. Баландин М.Н. Введение в науковедение. Томск, 2006.

* Для обозначения таких элементов системы иногда используют понятие «системообразующий фактор» или идущее еще от немецкой классической философии понятие «концепция спецификации».